

тельно связано с категорией высокого, вне которой немислимы «восхищение» и «восторг» Ломоносова. По Державину, все зависит от того, что именно вдохновило поэта, какой случай, подобно дуновению ветра, превратил искру в огонь, каково душевное состояние поэта в данный миг, каковы обстоятельства. Объяснив все это в общих чертах, Державин произносит то, чего не мог сказать Ломоносов: поэт творит «по наитию гения» (VII, 523).

Делая шаг назад к классической поэтике, Державин пытается как-то классифицировать характер вдохновения на грозное, спокойное, радостное и пр. Однако примеры приводит он не только из Ломоносова, но и из сочинений поэтов, далеко отошедших от классицизма: Ю. Нелединского, И. Дмитриева, Козегартена и др.

В ненапечатанной части «Рассуждения о лирической поэзии» Державин еще категоричнее отделил вдохновение («парение») от ломоносовского высокого «восхищения»: *«Ломоносов более отменен частыми, радостными, почти одинаковыми восторгами, величественными картинами и благозвучием, нежели непрерывным парением и глубокими мыслями»*.¹⁵

Рассказав о других особенностях лирической поэзии, о частных приемах и таких категориях, как «вкус», Державин опять заговаривает о вдохновении, которому посвящена одна пятая написанного в трактате об оде. Все приемы и украшения «составляют изящество и существо прямой оды, ежели истекают только от истинного вдохновения... Всякий набор пустых, гремучих слов, скропанный по школьным одним правилам... холодное поучение, газетные подробности... стыдят и унижают лиру». «Поистине, вдохновение есть один источник всех вышеписанных лирических принадлежностей, душа всех ее красот и достоинств: все, все и самое сладкогласие от него происходит, — даже вкус, хотя дает ему дружеские советы, и он от него принимает их, но не прежде, как тогда, когда уже успокоится» (VII, 576).

Такая трактовка вдохновения, исключаяющего и «одинакие восторги» и «холодное рассуждение», не придумана специально для «Рассуждения о лирической поэзии». Достаточно вспомнить объяснение к оде «Бог», где рисуется образ поэта, охваченного внезапным порывом (III, 594), или к «Пеночке», якобы сочиненной во сне (III, 717). Поэтическое переложение той же теории — стихотворение «Лирик» (III, 523).

¹⁵ Отдел рукописей ГПБ (Ленинград), ф. Державина, т. 5, л. 116 об. (курсив мой, — А. К.).